

Марина Хоружая:

ПЕТР МАМОНОВ НЕ ЛЮБИТ ЛЮДЕЙ

"Эфир 365" № 23 от 2 июня 2003

Петр Мамонов представил на суд зрителей моноспектакль «Шоколадный Пушкин». При чем здесь Александр Сергеевич, для зрителей осталось загадкой, но действием, происходившим на сцене, вроде бы все остались довольны. Билеты по 500 рублей разошлись влет, и в зале на 600 мест было невозможно продохнуть. «Петр Николаевич, вы наше все!», «Лысый, давай!» — кричал бесноватый народ в ожидании начала представления. Мамонов чуть опоздал, и полтора часа пел, кривлялся, падал, лаял на освещенной театральной сцене. Многим, как выяснилось, сие пришлось по душе, журналисты же только покачивали головой и разводили руками, в очередной раз убеждаясь, что Петр Мамонов — человек по меньшей мере странный.

На пресс-конференцию, которая была запланирована на час дня, Петр Николаевич припоздал: журналистам пришлось ждать его час с лишним, пока он не спеша пообедал. В том, что Мамонов явно не дружит с головой, нам пришлось удостовериться прямо в начале беседы. На вопросы, начинающиеся со слов: «Вы как-то сказали в одном интервью...», интервьюируемый отвечал «не помню», «не было такого», «я сейчас другой», на многие вопросы вообще отвечать отказывался, говоря просто: «А вам какое дело?». Да нам-то никакого, это читателям интересно. Одним словом, Мамонов удивил и поразил не только воронежскую публику, пришедшую на его спектакль, но и представителей СМИ. Правда, впечатления остались абсолютно противоположными.

— Петр Николаевич, вы по-прежнему не любите свою публику?

— Когда это я так говорил? Не помню. И вообще, тому, что человек говорит, верить не всегда можно. Люди меняются. Например, я совсем другой человек, чем, скажем, 10 лет назад. Жить вообще чрезвычайно тяжело. Если просто есть, спать, бегать, то все просто. А если следовать законам — Божьим ли, Уголовного кодекса ли, то это куда сложнее. Смысл жизни ведь не в работе, не в детях. Смысл в царствии небесном, где не будет ни слез, ни вздыханий. Дай Бог нам, грешным, туда попасть.

А что касается публики, то я не могу ее не любить. Зачем же мы тогда собираемся на концертах? Собираемся для того, чтобы за эти полтора часа произошел какой-то акт любви между нами. Только вот, к сожалению, искусство людей не меняет. Они по-прежнему злятся, завидуют, ревнуют, убивают. Мне повезло, что Бог мне дал талант и что я нахожусь на своем месте. Это не моя заслуга — Пети Мамонова. Если бы я работал плотником, я был бы не на своем месте. То же самое, если бы плотник был актером. Счастье заключается в том, чтобы найти свое место в жизни.

— А как вы определили, что нашли свое место? Может быть, вы чем-то умеете заниматься гораздо лучше?

— Я не определял ничего, и, возможно, вы правы. Но все же, мне кажется, я избрал правильный путь. Я пробовал себя во многом: был грузчиком, журналистом, работал в бойлерной, да много где... Человек рано или поздно все равно находит свое призвание. Только вот бывает поздно, когда сил заниматься этим уже нет.

— Я слышала, что все ваши коммерческие вопросы решает ваша жена, а у продюсеров вы не находите поддержки...

— Дело в том, что мы занимаемся не массовой культурой, поэтому нам не нужен продюсер. Мы работаем для узкого круга людей, которым это интересно. Да, в Москве мои спектакли пользуются определенным спросом, но не имеют такого успеха, как какой-нибудь «Норд-Ост» или «Чикаго».

— А почему вы даете спектакли, а не концерты? Это способ отличиться от своих коллег?

— А почему у вас такая стрижка, а не другая? Просто мне так захотелось, вот и все. А если бы мне захотелось отличиться, я бы выкрасил волосы в красный цвет, как это делает молодежь, которой больше не в чем себя проявить.

— Насколько я знаю, вы долгое время жили в деревне. Искали душевного спокойствия или хотелось убежать от людей?

— Я и сейчас там живу. Я ни от кого не бежал и не прятался, так вышло случайно.

Никакой сверхзадачи у меня не было. Там, где я живу, кстати, очень много воронежцев. Обычный рабочий люд переезжает туда в поисках заработка.

— В мегаполисе вы себя уже не представляете?

— Я живу так, как живу, и не заглядываю в будущее. Зачем мне себя где-то и как-то представлять? Я живу настоящим моментом: день прожит, и слава Богу, что будет завтра, меня не заботит. Так положено по закону Божьему. Единственная цель, которую необходимо себе ставить, — прожить день без греха.

— Петр Николаевич, а на каком месте в вашей жизни стоит любовь?

— Любовь должна стоять на первом месте, однако не всегда так получается. Я имею в виду совсем не ту любовь, о которой вы меня спрашиваете. Во-первых, это любовь к Богу, во-вторых, вообще к людям. Вы думаете, сказать «Ах, ты моя милая» — это любовь? Нет, любовь — это когда перекладываешь на себя тяготы близкого человека, в чем нам зачастую мешает наш эгоизм. Надо не языком болтать, а что-то делать. Для начала взять и помыть посуду за женщину, которую ты любишь. Впрочем, сделать что-то за человека, который тебе симпатичен, особой заслуги нет. А вот попробуйте сделать что-то за врага. Ведь Бог нас учит именно этому. В конечном счете мы ведь все родственники, все произошли от Адама и Евы. Если у вас родственник плохой, вы ведь не будете гнать его взашей и говорить: «Ах ты, говно, иди отсюда!» Надо пересиливать себя и заставлять полюбить тех людей, которые вам неприятны. Но я не могу сказать, что я следую этим законам. Стремиться и иметь — разные вещи. Я не люблю людей, в этом мне пока мешает моя личная гадость.

— Скажите, а своих сыновей вы воспитываете в той же манере?

— Я их вообще никак не воспитываю. Воспитание может быть только одно — своим личным примером. Если папа — пьяница, то каким может быть сын? Я не знаю, какой пример я подаю своим детям, ведь все это я знаю в теории, но ничего не делаю. Все это лишь слова, а результата особого нет